

Е.Н. Ковтун (Москва, Россия)

**Социология фантастики:
наблюдения в рамках фантастovedческих курсов
в МГУ имени М.В. Ломоносова**

Аннотация: В первой части статьи, опубликованной в первом номере журнала Stephanos за 2019 г., мы начали обобщение и анализ статистических данных, собранных нами в процессе чтения в 2013–2017 гг. в МГУ имени М.В. Ломоносова межфакультетских курсов фантастovedческой проблематики. Были приведены данные о составе слушателей МФК, понимании ими термина «фантастика», прокомментированы названные слушателями имена любимых писателей-фантастов и перечни фантастических произведений, получивших у студентов наивысшую оценку. Во второй части публикации мы суммируем и анализируем информацию о предпочитаемых слушателями МФК типах фантастики и обобщаем их представления об «идеальном» фантастическом тексте, сформулированные в том числе в виде советов и пожеланий современным писателям-фантастам.

Ключевые слова: литературная фантастика, фантастovedение, межфакультетские курсы МГУ имени М.В. Ломоносова

E.N. Kovtun (Moscow, Russia)

**The Sociology of Science Fiction and Fantasy:
Monitoring within Science Fiction and Fantasy Studies Classes
at Lomonosov Moscow State University**

Abstract: In the first part of the article published in Stephanos No 1, 2019, we began to summarize and analyze the statistical information collected during some inter-faculty classes of science fiction and fantasy studies at Lomonosov Moscow State University in 2013–2017 years. In that part certain data on the audience of inter-faculty classes, their understanding of the “science fiction and fantasy have been provided. Names of favorite authors in science fiction and fantasy have been commented, as well as lists of texts in science fiction and fantasy which had received the students’ highest esteem. In the second part of the publication we summarize and analyze the information of preferred by the students of inter-faculty classes types of science fiction and fantasy and abstract their perception of “ideal” science fiction and fantasy text, formulated, inter alia, as advice and wishes for modern writers in science fiction and fantasy.

Key words: literary science fiction and fantasy, science fiction and fantasy studies, inter-faculty classes of Lomonosov Moscow State University

ЧАСТЬ 2

В этой и следующей частях статьи, помимо статистических данных, используемых в предыдущей части (Stephanos. 2019. № 1), мы анализируем, в каждом случае оговаривая это особо, также ответы слушателей МФК, прочитанного в весеннем семестре 2018–2019 учебного года. Данный межфакультетский курс назывался «Фантастика: проблемный, художественный, социокультурный аспекты». Его прослушали 138 человек, представляющих 25 факультетов МГУ, в том числе: физический – 25 чел.; биологический – 19; философский – 10; механико-математический – 9; Высшая школа перевода – 8; иностранных языков и регионоведения – 6; вычислительной математики и кибернетики – 5; исторический – 5; журналистики – 5; психологии – 5; Высшая школа государственного аудита – 5; Институт стран Азии и Африки – 4; химический – 4; Высшая школа телевидения – 4; биоинженерии и биоинформатики – 3; экономический – 3; Высшая школа современных социальных наук – 3; мировой политики – 3; педагогического образования – 3; геологический – 2; географический – 2; почвоведения – 2; юридический – 1; искусств – 1; фундаментальной медицины – 1.

ПРЕДПОЧИТАЕМЫЙ ТИП ФАНТАСТИКИ

Самым, пожалуй, интересным для нас вопросом, который во время чтения фантастических межфакультетских курсов мы задавали неоднократно, был вопрос о распределении читательских предпочтений слушателей МФК по двум основным типам фантастической литературы (научная фантастика и фэнтези). Наш интерес закономерен. Если еще 25–30 лет назад термин «фантастика», употребленный без уточнений, для большинства читателей СССР и Восточной Европы автоматически означал «научная фантастика», то ныне ситуация иная. Прежде всего с представлениями о фантастическом тексте ассоциируется именно фэнтези (фантастика сверхъестественного), которая на протяжении последней четверти века была, да и до сих пор еще остается, доминирующим на постсоциалистическом пространстве типом «повествования о необычном». И если ранее в читательском сознании фантастика более или менее четко подразделялась на «научную и всю остальную», в чем еще была определенная логика (рациональная посылка действительно имела видимые отличия от допущений, используемых иными типами вымысла), ныне та же граница разделяет «фэнтези и всю прочую фантастику», что способно вызвать улыбку, так как в рубрике «вся прочая» одновременно оказываются и НФ, и, например, волшебная сказка.

Вопрос о причинах достаточно резкой смены в нашей и родственных славянских литературах в первой половине 1990-х гг. доминирующего типа фантастики, возвышения фэнтези и упадка НФ нуждается в отдельных обстоятельных исследованиях¹. В рамках же МФК мы стремились зафиксировать текущий срез читательских пристрастий – и питали надежду получить некоторую их динамику: дифферент в сторону несколько забытой и оттого обретающей сегодня новую привлекательность научной фантастики.

¹ Мы касались его в публикациях: *Ковтун Е.Н.* Научная фантастика и фэнтези – конкуренция и диалог в новой России // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2015. № 4. С. 53–71; *Ковтун Е.Н.* Вымысел эры постмодерна: эволюция повествования о необычном в конце XX – начале XXI вв. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 201–219.

Первоначально эта надежда оправдалась. Если в 2013 г. из 124 отвечавших НФ предпочли лишь 42 слушателя (34%), а фэнтези 55 (44%), то в 2015 г. из 148 отвечавших в пользу научной фантастики высказались 62 (42%), за фэнтези – 54 (36%). В 2017 г. из 187 отвечавших НФ выбрали 86 (46%), фэнтези – 63 (34%). Правда, при анализе статистики следует учитывать изменение профессионального состава аудитории, о котором мы писали ранее: постепенный рост в числе слушателей представителей естественнонаучных факультетов МГУ.

Однако в 2019 г. из 87 отвечавших (при сохранении лидерства по количеству слушателей МФК за физическим и биологическим факультетами) НФ предпочли лишь 30 (34,5%), а фэнтези – 40 человек (46%). Таким образом, делать выводы об уверенном возвращении научной фантастикой утраченных ею в 1990-е гг. позиций в сознании молодежи пока преждевременно.

В 2019 г. при анализе ответов на вопрос о любимом типе фантастики специальное внимание было обращено на гендерный фактор. Нашей задачей стала проверка распространенного среди поклонников фантастической литературы мнения: к чтению научной фантастики более склонны представители мужского пола, типичные же почитательницы фэнтези – юные, восторженные девушки. В нашем случае суждение оправдалось лишь частично: из 40 поклонников «фантастики сверхъестественного» действительно лишь 10 оказались мужчинами, но в числе любителей НФ восторжествовало гендерное равенство – 15 мужчин и 15 женщин.

Помимо фиксации собственных симпатий к НФ и фэнтези у студентов была возможность высказать одинаковую приверженность обоим типам фантастического повествования. В 2013 г. это сделали 27 человек (22% отвечавших), в 2015 г. – 32 (также 22%), в 2017 г. – 38 (20%). В 2019 г. об одинаковом интересе к обоим типам фантастики заявили 17 слушателей (19,5%; 10 мужчин, 7 женщин). В данном случае, как видим, соотношение достаточно устойчиво: примерно пятая часть слушателей каждого МФК с одинаковым удовольствием читает и НФ, и фэнтези.

Вопрос о предпочтениях из года в год сопровождался просьбой прокомментировать достоинства (эвентуально и недостатки) любимого типа фантастики. Данный вид комментария оказался, пожалуй, наиболее развернутым и эмоционально окрашенным из всех ответов на письменные задания. Здесь мы приведем лишь высказывания слушателей МФК 2017 и 2019 гг., так как ответы предшествующих лет публиковались нами ранее¹.

Слушателям МФК-2017 научная фантастика оказалась близка «фактической стороной». Это, по их мнению, литература «рациональная», она более «реалистична», «логична», «разумна», «стабильна»², хотя при этом «труднее для восприятия», нежели фэнтези. Студенты описали НФ как «более качественную литературу», в которой «картина мира логично выстроена и оттого красива». К достоинствам НФ отнесли «обильную научную терминологию», подчиненность ее действия «определенным физическим законам»; отметили, что она «проще накладывается на реальный мир» и, вследствие этого, в ее сюжеты «легче верить и хочется верить». В ней «более интересные послышки» и «больше материала для

¹ См.: Ковтун Е.Н. Фантастика в зеркале читательских ожиданий (из опыта чтения межфакультетского курса «Кросс-культурные коды фантастики» в МГУ имени М.В. Ломоносова) // *Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко*. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 379–403.

² Вероятно, имеется в виду достаточно жесткий художественный «канон» научно-фантастического повествования, сложившийся в эпоху становления этого типа фантастики во второй половине XIX в.

расширения кругозора», она «больше внимания уделяет глубоким вопросам, в отличие от фэнтези, где в основном только описывается другой мир». В НФ «чаще встречаются действительно мыслящие персонажи с высоким уровнем интеллекта, которые не действуют, словно по сценарию, а способны размышлять и поражать своими выводами».

Научная фантастика привлекла слушателей тем, что воспекает «торжество технического прогресса», «величие разума, его превосходство над телесным», «вселяет уверенность в человеческие возможности», «говорит о науке и возможных путях ее развития», «позволяет поразмышлять над собственным будущим». В ней «интересны описания других миров, их культуры и государственного устройства». Благодаря тому что в НФ «больше конкретики», ее мир «ближе современному читателю», «людям с математическим складом ума». А потому она представляет собой «источник вдохновения для представителей технических специальностей», «побуждает к исследованиям и творческой деятельности», «может способствовать попытке реализовать описанное». Своеобразный итог перечислению достоинств научной фантастики подвело следующее умозаключение: «она захватывает воображение, дает пищу для размышлений, сочетает логику и последовательность изложения с полетом фантазии, – а это качества, необходимые каждому ученому».

Или короче: «фэнтези – сказка для взрослых, НФ – руководство к действию».

Ответы 2019 г. во многом схожи. НФ «показывает нам будущее», «отражает перспективы научного прогресса и развития общества; авторам многое удается предвидеть», у нее «есть предсказательный потенциал». А потому «ее интереснее читать (можно строить предположения при прочтении)», она «лучше, чем фэнтези, раскрывает социум», ее «сюжет больше связан с реальностью, позволяет глубже погрузиться в мир, созданный автором, сильнее прочувствовать переживания героев и получить больше эмоций от прочитанного». Она создает «более комплексные и интересные миры, у нее более жесткие рамки, поэтому проще представить уровень фантастичности мира»; «Она более реальна и мотивирует на развитие: интересно рассматривать, что уже реализовалось, какие научные достижения»; «С НФ увлекательнее жить, так как охотнее верится в изобретения и открытия, чем в фей и волшебство». Один из слушателей признался: «НФ для меня – это почти реальность, “книги из будущего”».

Как и их предшественники, слушатели МФК-2019 полагают, что НФ привлекает читателей, склонных к научному (прежде всего – естественнонаучному) мышлению: «С детства интересуюсь наукой, а НФ заключает в себе интересные научные факты»; «Мне это ближе, я изучаю физику и современные технологии, люблю компьютерные игры, но хороших игр в жанре НФ мало, и этот недостаток я компенсирую книгами»¹; «Учусь на мехмате, интересуюсь математикой, многие вещи рассматриваю с точки зрения рациональности»; «Люблю “твердую”² НФ,

¹ Показательная косвенная характеристика места книги в ряду других источников «развлечения и поучения» современного юного читателя: фантастическая литература, как и литература вообще, проигрывает в конкуренции с компьютером и кинематографом.

² Жанровая разновидность научной фантастики сосредоточена на описании технического прогресса, открытий, изобретений – в отличие от своей ближайшей родственницы, «мягкой» НФ, иначе – «социальной фантастики», которая рассматривает всё вышеперечисленное лишь как отправной момент для размышлений о влиянии технологий на социум и человеческую жизнь. У последней, впрочем, обнаружилось не меньшее количество поклонников: «люблю “мягкую” НФ, нравится читать о последствиях изобретений и открытий, размышлять “а что будет, если...?”»; «по мере

собираюсь связать свою жизнь с наукой и техникой, и такие книги вдохновляют меня: нравится, когда герой преодолевает препятствие силой разума, а не волшебной палочкой»; «Я интересуюсь наукой и собираюсь работать в этой области, мне нравится научное объяснение невероятных вещей, интересно социальное поведение людей»; «НФ открывает больше возможностей для творчества, там больше простор для рациональности и науки. Она более представительна, чем фэнтези». Словом, «НФ побуждает развиваться интеллектуально, побуждает быть ученым».

Читатели научной фантастики – рационалисты и прагматики: «Мне приятнее и разумнее думать о будущем, о человеческих возможностях, о проблемах, которых пока еще можно избежать, чем о волшебных существах и их приключениях»; «С детства интересуюсь космосом, космическими путешествиями. НФ погружает меня в мир науки будущего, магическое мне не интересно»; «Мне интересен посыл, идея, а не атмосфера мира; интересны темы, которые поднимает НФ и которые возможны только в ней. НФ более полезна и интересна, чем просто наблюдение за персонажем в фэнтези»; «Мне нравится более реалистичный подход к фантастике, в него легче поверить, легче принять внутренние правила мира»; «Мне интересны научные изобретения и их применение в нашей жизни, взаимоотношения изобретений с людьми, техникой, природой»; «Мне нравятся технически продуманные произведения, особенно когда догадки фантастов подтверждаются будущими изысканиями. В фэнтези отталкивает излишняя сказочность, автор иногда жертвует здравым смыслом в угоду ей»; «Мне интереснее не сюжетные линии, а взгляд на проблемы через призму вымышленной реальности, авторские рассуждения, новые концепции, переплетения научных гипотез с вымыслом. НФ ближе к реальной жизни, чем фэнтези».

Однако и поклонникам волшебной фантастики нашлось что возразить оппонентам. Причем отнюдь не только с высоты причудливых фантазий, как можно было бы ожидать от любителей магии и чудес, но и с позиций самого что ни на есть здравого смысла: «Я чувствую себя идиотом, – не без иронии пояснил один из слушателей МФК-2017, – когда мне пытаются объяснить с точки зрения науки выдуманные вещи».

Скромно соглашаясь, что волшебная фантастика «проще для восприятия» и «не требует такой работы мозгов, как научная», приверженцы фэнтези спешат подчеркнуть, что в этом и таится ее обаяние. Она «кажется более оригинальной, так как не требует от автора никаких обоснований, позволяет любой полет фантазии». Это «красивая сказка про удивительные волшебные миры с невероятными существами», а ведь «в жизни слишком мало сказки». Ее «мир мечты», «истории о битвах, рыцарях и прекрасных дамах» воскрешают «детский интерес к необычным мирам, магии и волшебству».

У фэнтези, отметили слушатели, по сравнению с НФ «более абстрактные законы», в которых тем не менее «заклучена своя логика». Ей присущи «обилие мифологии», «атмосферная культура средневековья», «хитросплетения сюжета», «яркие образы», «красочные описания», «красивый слог», «четкие границы хорошего и плохого». Ее «сюжеты разнообразнее», а «персонажи более привлекательны», нежели в научной фантастике. Она дарит «наслаждение полетом фантазии автора», покоряет «эпичностью» событий и «философичностью проблематики»,

прохождения этого МФК мне начала больше нравится НФ (мягкая): мне проще связать ее с существующей реальностью».

«поднимает нравственные вопросы», «открывает простор для воображения», «позволяет увидеть мир немного иначе».

Пусть изображаемое в волшебной фантастике «менее реалистично», оно и «больше похоже на человеческую жизнь». А ведь «интереснее читать о том, о чем можно помечтать перед сном». Фэнтези дает шанс «полностью погрузиться в вымышленный мир, принимая его правила, а не сидеть и осмысливать возможность той или иной инновации» (еще одна перчатка, брошенная приверженцам НФ защитниками «переходного жанра от детских сказок к серьезной литературе»).

В ответах 2019 г. – практически аналогичные умозаключения: «НФ скучнее и труднее для понимания, фэнтези проще и интереснее», «там волшебные существа», «больше свободы мысли, больший акцент на персонажах, психологизме», «меньше фактов, легко верить в чудо», сверхъестественное «чаще затрагивает душу». Читатель фэнтези «всегда хотел оказаться в мире волшебства и магии»: «Не люблю, когда мне что-то объясняют, люблю мечтать. Мир не хочется видеть таким, каким его рисует автор НФ. Мир фэнтези более добрый и даже кажется более реалистичным»; «Я легко принимаю условность, вымышленность литературного мира. Проблемы рационального обоснования меня не интересуют. Фэнтези может представить гораздо более неожиданную, разнообразную картину мира, в которую можно погрузиться, как в сон»; «В него¹ легче верить: оно не претендует на объяснение происходящего и это просто принимается как часть описываемого мира. А НФ концентрируется на придании объяснения тому, чего не существует – в этом заметна фальшь, и это портит впечатление. Если писатель прибегает к описанию того, чего нет, ему не нужно оправдываться, пытаюсь доказать, что это возможно. Читатель должен поверить сам, а не быть обманут».

Фэнтези интересует в основном гуманитариев: «Учусь на истфаке, мне интересны элементы нашего прошлого, которые находят свое отражение в фэнтези. Благодаря элементам необычайного писатель может дать свежий и нестандартный взгляд на историю»; «Я гуманитарий, не заинтересована в рациональной фантастике, ее атрибутах типа роботов. В фэнтези нет рамок и законов кроме тех, что автор выстраивает внутри своего мира сам. Меня привлекает мифология, магия и сверхъестественное».

Однако есть и исключения: «Я физик, а авторские трактовки законов природы в НФ часто противоречат действительности, кажутся мне натянутыми и абсурдными, и это мешает при чтении»; «Там (в фэнтези. – *Е.К.*) описаны детали, которых мне не хватает в повседневной жизни. Я люблю сказки, фольклор; мне близко представление об окружающем мире как о чем-то таинственном. Эльфы, умеющие находить общий язык с лесом, мне приятнее, чем ученые, которые бездушно познают этот мир научно. Разговоров о технологиях на мехмате и так выше крыши, а вот мистики не хватает».

Поклонники волшебной фантастики в большинстве своем эскаписты: «Реальность и так окружает меня каждый день. Мне интересно про магию, битвы на

¹ Напомним, что термин «фэнтези» пришел к нам из английского языка относительно недавно – во второй половине 1990-х гг. А потому до сих пор не имеет однозначных орфографических и грамматических характеристик. Например, встречаются, хотя и все реже, написания «фентези» и «фантази». Еще сложнее обстоит дело с грамматическим родом. Первоначально были задействованы все три, ныне уверенно побеждает средний – его и использует в своих ответах большинство слушателей. Мы же традиционно – впервые это понятие, еще без транслитерации (*fantasy*), задействовано в наших работах конца 1980-х гг. – полагаем, что фэнтези – женского рода (по аналогии с понятием «фантастика»).

мечах»; «Люблю мир, оторванный от реальности»; «Очень хочется пометать. Магии, волшебства, сверхъестественного в нашем мире нет. Мир героев интереснее нашего потому, что совсем не похож на него»; «Фэнтези более отстранено от реального мира и позволяет полностью выпасть из реальности»; «Мне нравится читать о невозможном и представлять себя в несуществующих мирах, чтобы уйти от реальности»; «Интересные миры, уносят в детство».

Несмотря на подчеркнутую сказочность, фэнтези, в глазах слушателей МФК, отнюдь не лишена серьезного содержания, подчас весьма близкого «научности» НФ: «Этот тип фантастики позволяет высказывать и расшифровывать мысль автора на некоем уровне абстракции. В некоторых случаях фэнтези может быть переосмысленным изложением архаического мифа с позиции современного человека с попыткой восстановления свойств архаичного сознания... Тем самым нередко раскрываются особенности раннего человеческого сознания, его мировосприятие»; «Часто в метафизике фэнтезийных миров попадают оригинальные религиозные, философские и политические идеи»; «Произведения в жанре сверхъестественного помогают стать ближе к духовной стороне себя. Они помогают задуматься о своем отношении к вере, справедливости и борьбе со злом»; «Мне близки героические мотивы, основанные на мифологии. Интересно, как автор понимает волшебное и магическое, в какой мере он отступает от рационального восприятия реальности и чем он дополняет обычную картину мира».

И все же главное достоинство фэнтези для ее ценителей – развлекательность, красочность, чудесность. Многие слушатели не скрывают, что она прежде всего «помогает расслабиться». А еще – удивиться, рассмеяться или испугаться: «Люблю про вампиров, ведьм, оборотней. Люблю “Дракулу”¹»; «Нравится сплетение мифов, магии с реальным миром, как они взаимодействуют, нравятся типажи героев и юмор»; «Люблю динамичный сюжет, который затягивает; можно отвлечься от реальной жизни, отдохнуть»; «Интересно наблюдать, как герой выходит из той или иной ситуации, меняя или не меняя мировоззрения. Нравится читать про приключения»; «Интересны авторские миры, их правила, структура, обитатели, особенно оригинальные задумки, выходящие за рамки миров эльфов, мечей и магии²»; «Интересно наблюдать за изменением знакомых образов³ – русалки, маги, зомби, некроманты – и их интерпретацией». «Нравится сюжет жизни и смерти, а также бессмертного существа, отличающегося от человека (совершенного, обладающего сверхспособностями), мотив глобальной борьбы добра со злом, которое заключено в одном существе (герой-злодей)».

Еще более любопытны суждения слушателей, заявивших о своих симпатиях к обоим типам фантастики. Их ответы можно разделить на две категории. В первом случае студенты ограничивались утверждениями, что каждый тип имеет свои достоинства: «С детства мне нравилась НФ с ее объяснениями, так как я ориентирован в сторону технических и естественнонаучных дисциплин. Но также меня увлекает

¹ Роман ирландского писателя Брэма Стокера (1897), считающийся «образцовым» повествованием о вампирах.

² То есть за рамки растиражированного «массовой» фантастикой фэнтезийного квеста.

³ Ответ, вероятно, написан под влиянием прослушанной в рамках МФК лекции об эволюции фантастической образности – в частности, о превращении вампира из inferнального враждебного человеку существа в литературе XIX в. в героя-протагониста вплоть до «идеального возлюбленного» в «Сумерках» С. Майер и подобных им текстах начала нынешнего столетия. Подробнее об этом см.: Ковтун Е.Н. Вампир без страха и упрека: новейшие модификации образа // *Fantastyka rosyjska dawniej i dziś*. Katowice: «Śląsk», 2013. С. 27–47.

история – и я познакомился с фэнтези. В ней нравится эпичность, проработанный мир»; «В фэнтези можно мысленно поместить себя на место главного героя, прожить все его чувства, пережить недоступное мне в реальном мире. В НФ ищу идеи, которые смогу воплотить в реальности»; «Фэнтези – магия, которой нет в реальном мире. НФ – потенциальная возможность описываемых явлений».

Равенство достоинств обуславливает равную читательскую благосклонность: «Люблю оба вида (фантастики. – *Е.К.*) примерно в равной степени. Из НФ предпочитаю “мягкую”, посвященную человеческой личности в обстоятельствах рациональной сверхъестественности (поздние Стругацкие, Кларк). В фэнтези люблю образ мрачного Средневековья, погружение в человеческую суть»; «Люблю НФ за возможность прочесть про изобретения, открытия, почувствовать себя творцом; фэнтези – за сказочный красочный мир»; «Мне нравятся любые типы (фантастики. – *Е.К.*), написанные живо и увлекательно. Исключение – “твердая” НФ, ей не хватает динамичности сюжета и легкости повествования (но, может, это только в тех книгах, которые мне попадались)»; «Ближе знакома и больше читала фэнтези, но начинала именно с НФ. Не люблю крайности: излишнюю сухость и избыточную украшенность»; «Фэнтези читаю, чтобы отдохнуть; в НФ нравится концептуальность, при чтении более внимательно смотришь на окружающий мир, анализируешь происходящее»; «НФ ближе к сфере моей деятельности (физика) и дает надежду на то, что в мире еще есть место удивительному. Но люблю и фэнтези: наш мир ограничен, а фэнтези – нет»; «НФ нравится о космосе, путешествиях во времени, параллельных мирах, искусственном интеллекте. В фэнтези интересны темы мутации и вампиризма».

Во втором же случае слушателями были – практически профессионально! – осознаны такие непростые и для многих литературоведов феномены, как вторичность формы фантастического текста по отношению к замыслу писателя и функции фантастики как средства художественного выражения актуальных проблем реального мира.

Выбор для чтения именно НФ или фэнтези, считает данная группа студентов, всегда в достаточной мере случаен и «зависит от настроения, аннотации, рецензий, способностей автора». Главное же для читателя – «чтобы мир был интересным, а сама книга хорошо написана», ведь «если фантаст пишет хорошо, то читатель поверит в любой из миров». Эту группу отвечавших «привлекает не посылка (фантастическое допущение. – *Е.К.*), магическая или научная, а то, как она подкрепляет идею автора». Оба типа фантастики, по их мнению, – «средство увлечь читателя, заставить думать». Типичны заявления: «Для меня первична идея, а не способы, которыми автор ее доносит»; «Мне не важна природа вымысла, я ценю проработанность вымышленного мира, реалистичность поведения героев».

РЕЦЕПТ «ИДЕАЛЬНОГО» ФАНТАСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

К приведенным оценкам любимого типа (типов) фантастического повествования близки суждения студентов о том, какими содержательными и художественными характеристиками должна, с их точки зрения, обладать хорошая фантастика. Вопрос отнюдь не праздный. На каждом МФК оказывались слушатели, самостоятельно пишущие фантастику – или всерьез размышляющие о возможности приступить к ее написанию. Отсюда нередкие просьбы со стороны студентов оценить созданные ими тексты или дать рекомендации по их созданию¹.

¹ На порою задаваемые нами вопросы о цели подобного творчества – бескорыстной ли славы желают для себя потенциальные авторы или же связанных с коммерческим успехом сочинений ма-

Обобщая наблюдения за этими дебютами в сфере фантастики, рискнем отметить их главный, на наш взгляд, недостаток – неизменную вторичность и некритичное следование модным (чаще зарубежным) образцам. Симптоматично, что ни один (!) слушатель не представил на наш суд ни рассказа, ни повести (а ведь еще недавно именно эти жанры считались приоритетными по крайней мере для НФ). Не было и отрывков из «моно»-романов. Даже если студент присылал трехстраничный текст, последний анонсировался как фрагмент задуманного многотомного цикла о целой фантастической вселенной.

Суммарная модель «фантастики начинающих» выглядит, таким образом, как приключенческая эпопея в традициях (сильно, впрочем, размытых) Д. Толкина и К.С. Льюиса – или образчик «городского фэнтези» в духе С. Лукьяненко и С. Майер. Время от времени просматриваются и некоторые другие, но столь же тривиальные жанровые модели вроде «молодежной постапокалиптики» С. Коллинз или Д. Дэшнера. Факт закономерный (эти тексты и их киноверсии на виду), но от этого не менее удручающий.

Учитывая данные обстоятельства, в рамках каждого из курсов мы уделяли часть времени составлению своеобразного перечня содержательных и художественных характеристик хорошего фантастического произведения. Эти занятия велись в диалоговом режиме: слушатели самостоятельно давали описания отдельных элементов фантастического текста (по традиционной схеме: «тема – проблематика – авторский замысел; сюжет – композиция – система персонажей – предметная изобразительность – стиль») и подкрепляли их примерами из заранее выбранных для анализа или спонтанно приходящих в голову книг.

Обязательных письменных заданий по итогам данных обсуждений не предполагалось, однако ряд слушателей считал для себя полезным в инициативной форме письменно поразмышлять об услышанном. Так, в 2017 г. мы неожиданно получили несколько десятков описаний «идеального» фантастического текста, сопровождаемых рассуждениями о способах его создания и критериях оценки. Слушатели предложили также конкретные фантастические посылки (идеи) и наброски «идеальных» сюжетов. Попутно наметилась и полемика с традиционными принципами литературоведческого анализа текста (вычленения уровней содержания и формы художественного произведения). Наиболее любопытные суждения мы приводим ниже – как и ранее, с сохранением логики и стилистики оригиналов.

«Самое главное в фантастике – это научное или хоть какое-то иное обоснование, продуманность и возможное осуществление описанного. Оно должно быть возможно в других начальных условиях и логично, вплетено в реалии нашего мира, в наше восприятие, мысли о существующих проблемах, даже если и изменяя его до неузнаваемости и дополняя. Фантастика – игра с разумом, с его гибкостью и способностью подвергать сомнению законченность и единственность окружающего мира, соединять привычные вещи в невообразимые сочетания».

«Нет содержания помимо формы. Фантастическое заключается скорее в проведении двойственной границы: та, с одной стороны, устанавливает различие мира, реальности нарратива и окружающей нас действительности; с другой стороны, оттолкнув таким образом действительность удерживается так, что текст остается способен говорить правду о нас. Фундаментальное отличие от реалистической литературы – отсутствие эллизии двух миров: мира нарратива и (недоступной) реальности. Подобная эллизия

териальных благ – как правило, следовал ответ: и того, и другого. Заметим в скобках: ни один из представленных на наш суд опусов не произвел впечатления литературного открытия, хотя встречались неплохие по стилю и небесталанные по замыслу образцы (их авторам мы рекомендовали продолжать работу с учетом полученных в рамках курса теоретических знаний).

зачастую обеспечивается фигурой автора, обладающего талантом и знанием, позволяющими ему сказать все как есть)».

«Постановка вопроса о рецепте фантастического произведения предполагает возможность выделить его инвариант. Мне кажется, для разговора о фантастике лучше использовать витгенштейновский инструмент семейного сходства».

Предложенные слушателями «рецепты идеальной фантастики» порой отличались едва ли не драматизмом¹.

«1. Отказаться от старого и нерабочего различия формы / содержания. Содержание уже заряжено и произведено формой. 2. Уничтожить потолок, создаваемый “замыслом”, деспотизм “авторской глубины”, настроить письмо на производство эффектов, возникающих помимо и между инстанциями записи. 3. Настроить инфраструктуру sci-fi² мира на самопроизвольную сборку, способную существовать вне ограничений зафиксированности в тексте; ввести такой темпоральный режим мира, который позволит случиться всему чему угодно (фантастическое), при этом удержавшись в рамках соотнесения (пара-, экстра- и др.) с наукой».

«1. Придумать мир достаточно невозможный, чтобы быть интересным в изучении читателем, но продуманный и целостный. 2. Создать образы многогранных основных персонажей, достаточно продуманных, чтобы вызывать эмоциональную привязанность читателей. Наделить их высоким уровнем интеллекта. 3. Поставить перед этими персонажами сложные вопросы и поместить их в сложные ситуации. Нужно показать неочевидность поднимаемого вопроса. 4. Хороший язык, легкий стиль изложения; добавить повседневные обсуждения, которые могут быть занимательными для читателей».

«1. Ввод персонажей, описание ситуации, экспозиции. 2. Характеризация персонажей, знакомство. 3. Введение персонажей в игру, создание действия. 4. Разрешение ситуации тем или иным путем. 5. Вывод для героев. 6. Зачастую желательное развитие персонажей. 7. Фантастика как таковая создается деталями. 8. Важна ассоциация читателя с героем».

«Самое основное – забыть про реальность. Правила нашего мира в фантастике не нужны. Придумываем завязку. Примерно прикидываем, чего хотим. Идем самым нетривиальным путем, возможно, отступая от первоначальной задумки. В одном случае из миллиона тема, развитая в произведении в той оболочке, которую мы выбрали, будет цеплять людей».

И самый лаконичный (для знатоков!) рецепт: «1. Платон (1– диалоги). 2. Гегель (Наука логики). 3. Процеживать через Канта. 4. Азимов, Лем, Стругацкие, Уоттс – по вкусу».

А вот суждения, концентрирующиеся на отдельных аспектах фантастического мира: «Идеальный фантастический рассказ не должен быть абсурдным с точки зрения физики. Важна продуманность и логичность мысли. Подобны гениям фантасты, сумевшие предугадать достижения XXI века»; «Идеальный фантастический рассказ должен быть на социальную тему... Автор должен предугадать реальное развитие общества в будущем»; «Фантастичность создается не структурой произведения, а деталями. Мир фантастики должен быть логически достоверным, соответствующим законам вселенной, задуманной автором»; «События и явления должны быть объяснены. При этом произведение должно быть естественным. Главное, чтобы происходящее не выглядело надуманным».

И, наконец, конкретные предложения тематики, сюжетов и посылок для «идеального» фантастического текста: «Тема – либо рассуждения о технологиях будущего, либо политический строй. Сюжет захватывающий, обязательна любовная линия»;

¹ Авторы этих высказываний, по всей вероятности, и стилистически пытались приблизиться к рецептам из поваренных книг.

² Распространенное краткое обозначение научной фантастики (science fiction).

«Сюжет: в мире закончилась вода. Люди ищут способ ее добычи, борьба за выживание. Несколько людей объединились в группу и ищут оставшиеся источники (главные герои, трое мужчин и две женщины). Они попадают в заброшенный город и находят ответы на многие вопросы. В конце концов они находят способ выжить»; «Рассказ о будущем. В мире наступает зомби-апокалипсис из-за ошибки ученых, которые случайно разлили секретное разработанное вещество, способное заразить все человечество буквально за несколько часов. Главные герои – ученые, допустившие ошибку и пытающиеся спасти мир вместе с группой незараженных людей. В группе должны возникать конфликты, смерти, но в конце они находят спасение»; «Тема: 21 век, век машин и роботов. Проблематика: мир поработили роботы, люди в опасности. Автор на стороне машин, они характеризуют интеллект. Много деталей и крови».

При всей динамичности и эмоциональности предложенных посылок и сюжетных схем трудно не заметить их однотипность и, главное, многократное тиражирование в фантастике прошлого и настоящего. Привлекательность данных историй для слушателей МФК свидетельствует либо об их недостаточно хорошем фантастоведческом кругозоре – либо, напротив, об излишней начитанности почти исключительно в области современной «массовой» фантастики в ущерб хорошей фантастической «классике».

Обратив внимание на повышенный интерес слушателей к вопросу о характеристиках качественного фантастического текста, при чтении МФК в 2019 г. мы несколько изменили тактику. Студентам было предложено вообразить себя участниками встречи с писателями-фантастами (или, скажем, представителями книжной индустрии фантастики – редакторами, издателями, критиками) и написать о том, какие рекомендации, пожелания и советы они могли бы дать современным авторам, создающим фантастическую литературу. Всего нами было получено 73 развернутых ответа, свидетельствующих о том, что слушатели отнеслись к заданию серьезно и в то же время весьма и весьма творчески.

Взятые в совокупности, рассуждения студентов по полноте охвата различных аспектов содержания и поэтики фантастического произведения вполне способны составить основу некоего гипотетического «пособия для начинающих фантастов». Иными словами, «коллективный разум» слушателей МФК обладает достаточно развитым литературным вкусом и может трезво оценить достоинства и недостатки различных вариантов «повествования о необычном». Однако при этом в массиве ответов практически отсутствует определенность (однозначность) коллективной читательской позиции буквально по каждой из обсуждаемых тем. А потому в большинстве случаев рекомендации фантастам расходятся до прямо противоположных.

Например, противоречивый спектр мнений представлен в вопросе о том, что важнее для «идеального» фантастического произведения – следование традициям или же оригинальность и новизна. Вот советы поклонников «умной старины»: «Не стоит сильно отходить от канонов фантастики в угоду поп-литературе. Свой читатель всегда найдется»; «Побольше думайте о том, что вы пишете и о чем. Если хочется приключенческого романа, ориентироваться скорее на Азимова и ранних Стругацких. Если хочется написать нечто эпичное – то на “Сильмариллион”, если хочется что-то интересное широкой публике – побольше отсылок к каким-то знаменитым событиям (как в “Понедельнике...”¹) и личностям, а если

¹ Имеются в виду сочинение Д. Толкиена «Сильмариллион», сюжетно предвещающее эпопею «Властелин Колец», и роман А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»

просто интересное – то выражать как можно неоднозначнее свое мнение, а лучше, чтобы его вообще не было видно»; «Изучайте мифы и легенды народов мира. Все сюжеты, в общем-то, оттуда, и ничего нового нет».

А вот защитники «инноваций»: «не использовать шаблоны культовых книг»; «не пишите про школы волшебства, мы все всё равно будем ждать совы из Хогвартса», «не нужно бояться своих фантазий»; «Искать новое, развивать идеи. Придумать собственный новый мир»; «Не бояться сложностей в плане концепций и посылок»; «Искать новые формы, не копировать и не следовать четко структуре романа»; «Обращать внимание на оригинальность сюжетных ходов. Не оставаться в рамках канона фантастического жанра»; «Отойти от клише, лучше что-нибудь сделать по-другому, переосмыслить»; «При чтении современных авторов часто возникает неприятное чувство, что ты это всё уже видел и читал. Поэтому главный совет – не повторяться, не использовать одну успешную матрицу романа и не клепать однотипные произведения».

Противоположность рекомендаций подчас способна рассмешить: столь убедителен в каждом случае пафос отрицания – «Не использовать банальные сюжеты, разрушать стереотипы, рвать шаблоны, переворачивать устоявшиеся модели с ног на голову!» И рядом: «не нужно искать совсем новые проблемы, пишите о том, что вам действительно интересно, даже если об этом уже много писали до вас».

Похожая разноголосица царит в вопросе о том, что именно стоит писать: НФ или фэнтези? «Вернуть в произведения магический шарм и загадочность, воплощать ФАНТАСТИЧЕСКУЮ реальность!»; «еще больше фэнтези!». Но здесь же: «писать больше НФ, раскрывать темы, связанные с техникой, с помощью которой можно осваивать новые планеты; писать о биотехнологиях, особенно генетической инженерии»; «Писать больше твердой НФ без ухода в полуфэнтезийные и философские рассуждения. Нужно владеть информацией о последних достижениях науки и понимать, о чем вы пишете (или консультироваться со специалистами)».

Соответственно, и тематика рекомендуется современным фантастам нередко прямо противоположная: «Большой уклон в сторону космоса, ведь сейчас это особенно важная тема». И буквально в следующем ответе: «сейчас популярна тема реинкарнации, перевоплощения в других существ».

Слушатели отчасти солидарны в том, что фантастику следует писать о грядущем. Но о каком именно и как? Здесь согласия нет: «Отказаться от фатализма и пессимизма, предложить больше вариантов положительного развития человечества и науки»; «отойти от антиутопий – этот жанр изжил себя». И тут же: «больше писать про проблемы человечества, которые могут возникнуть в будущем». Да и о подлинно ли грядущем речь? – «Обратиться к прошлым событиям человечества, связать их с будущим или сделать как рассказ через времена»; «Добавить больше истории в фантастику. Размышления о прошлом и его влиянии на будущее. Придумать альтернативную утопическую историю России, в которой наша страна пошла бы по более правильному пути развития. Хотелось бы увидеть Россию похожей на ту страну идеальных людей, которую описывали Стругацкие. Например, главным революционером и идеологом в этой другой истории был бы не Ленин, а Л.Н. Толстой»¹.

Не способствуют согласию и рассуждения о любовной и гендерной проблематике в фантастике: «Нужно добавлять романтическую линию – так читатель

¹ Слушатель не учитывает, что данную рекомендацию уже практически буквально выполнил ученик А. и Б. Стругацких В. Рыбаков в романе «Гравилет “Цесаревич”» (1993).

сможет вовлечься и будет соперничать». Но не тут-то было! – «Любовь – не единственный доступный двигатель сюжета». А рядом примирительно: «Любовь должна быть, но по минимуму. Неинтересны парочки, у которых всё хорошо, ясно и прекрасно. Намеки, намеки, намеки, но в конце ожидаемое “долго и счастливо”». И более категорично: «напишите дилогию о мирах, в одном из которых женщины обходятся без мужчин, а в другом – наоборот»¹.

Заочная полемика обнаруживается и в обсуждении поэтики «идеального» текста. И всё же в данной области ответы скорее дополняют друг друга, разворачивая перед предполагаемыми фантастами широкую палитру художественных средств, способных обеспечить их книгам читательское признание. Приведем эти рекомендации, группируя их по отдельным элементам структуры фантастического произведения.

К достоинствам фантастических книг студенты относят жанровую полифонию, «смешение жанров и типов вымысла», «синтез фантастики с другими литературными жанрами вплоть до детектива». Но встречаются и ограничительные суждения: «в одном произведении не должно быть слишком много видов вымысла, потому что их довольно трудно связать вместе», «можно экспериментировать с формой и жанрами, но не в ущерб сюжету и идее».

Пылкие слушатели настаивают: «больше масштабности, эпичности и глобальности», «больше вымышленных вселенных», «больше магии», «больше разнообразия флоры и фауны в выдуманных мирах», «более интересная среда обитания фантастических существ». Оппоненты возражают: «не нужно раздувать из одного хорошего романа кошмарную эпопею», «необходимо обращать внимание на все аспекты сочинения, не приносить сюжет в жертву идее и наоборот», «не очень акцентировать внимание на фантастических декорациях».

Как одна из главных черт хорошей фантастики многими слушателями отмечалась достоверность (фактическая и психологическая) и проработанность фантастической модели реальности: «Если события происходят с обыкновенными людьми в необычном мире, то мир должен быть приближен к реальному. Слишком вымышленные вещи воспринимаются скептически. Нужно писать так, чтобы читатель мог поверить вам»; «Не писать только ради самого процесса; всегда знать, какова канва произведения, не придумывать на ходу; не писать о том, в чем не разбираешься или же иметь консультанта, в частности по научным вопросам»; «Пишите только тогда, когда досконально разбираетесь в том, о чем пишете, будьте настойчивы и трудолюбивы»; «Писать логичные тексты, не начинать какую-то идею, полностью не осмыслив, – вдруг она противоречит концепции книги, и у читателя возникнет вопрос: какого фига?»; «Делать акцент в тексте на исторические справки, подкреплять действительность рассказываемой истории»; «Пытаться обосновывать магию или любые другие явления, не использовать “бога из машины”, вкладывать больше мотивации и обоснованности: например, магия существует благодаря энергии солнца»; «Больше логических обоснований – в такую вселенную будет легче поверить, а автору будет легче строить свои теории о происходящих в сюжете событиях»; «Следить за логикой и непротиворечивостью создаваемой вселенной»; «Каждый момент и события следует как-то логически обосновать»; «Создавайте правила в собственном мире и следуйте им. Например, если у мага мало сил и он способен создать

¹ Слушателю (или слушательнице), по-видимому, не известны реализации данной темы ни в «Улитке на склоне» А. и Б. Стругацких, ни в «Левой руке тьмы» У. Ле Гуин, ни во многих иных фантастических произведениях.

разве что пламя свечи, то не надо через несколько страниц писать, как он сотворил огненный смерч и спалил целый город».

При описаниях вымышленной реальности слушатели советуют фантастам обращать внимание на детали: «Придумывать новые миры качественно, продумывать всё до мелочей, чтобы исключить фактические ошибки и хаос в головах у читателей»; «Продумывать мир до мелочей, чтобы можно было погрузиться в него и чувствовать, что он реальный»; «Уделять больше внимания деталям: сюжеты все равно перекликаются друг с другом, но именно детали отличают хорошее произведение. Если писатель просто задает последовательность событий, то такое произведение вряд ли запомнится. Важно проработать образы персонажей и всю обстановку вокруг них, события должны вытекать друг из друга логически, читатель должен поверить, что такое возможно. Чем больше будет недосказанных и опущенных моментов, тем сложнее будет поверить». О том же, по-видимому, и высказывание, чем-то напоминающее афоризмы А. и Б. Стругацких: «Думайте о последствиях фантастических допущений!»

«Научность» фантастической гипотезы также желательная черта хорошей фантастики (НФ): «Следите за развитием наук и технологий и создавайте свой вымысел, считаясь с последними исследованиями. Это поможет избежать клише и повлечет за собой создание новых, более современных и реалистичных посылок, которые пока не стали условностями. Мир произведения является самой яркой его частью, поэтому к его созданию нужно подходить со всем богатством воображения, и наука тут – один из главных помощников. Даже если произведение не является строго фантастическим (технологии, будущее), научные знания позволяют сделать картину мира более яркой и привлекательной».

Однако и у данного принципа есть ограничения: «Не следует излишне углубляться в технические описания, это будет интересно узкому кругу людей. Технические устройства быстро меняются и перестают удивлять, а вот люди остаются примерно теми же, поэтому, чтобы произведение не было однодневным, главными в нем должны быть люди (хотя и необязательно *homo sapiens*)».

Часть слушателей задумалась о том, каким в «идеальном» фантастическом тексте должен быть финал, завершение сюжета: «Не продумывать (не раскрывать, не делать предсказуемой) концовку сюжета заранее. Интересно читать историю, где все происходит неожиданно»; «Не всегда нужен счастливый финал. Грустный финал нужен, чтобы читатель осознал серьезность проблемы, не подумал, что всё разрешится само без его участия»; «Не надо плохих концовок, которые не дополняют идею произведения, а даны просто из-за красоты момента или ради слезогонки»; «Создать разветвленный сюжет с многочисленными открытыми концовками, возможно, нелинейным повествованием».

Дополняют суждения о сюжете и финале требования лаконичности повествования и продуманности композиции произведения: «Сразу планировать концовку, а то иногда делают по 20 книг и всё никак не могут остановиться, а в итоге получается уже бред»; «Я бы не растягивала произведение на много частей, так как обычно сюжеты потом высасываются из пальца»; «Если у произведения есть логичный конец, то не стоит сразу же писать продолжение – есть риск все испортить»; «Сюжет, который закручивается на протяжении пяти и более книг, невероятно скучен. Сюжет должен разворачиваться на страницах одной книги, но про-

ходить нитью через все остальные»; «Не излишествовать – зачем придумывать миллион видов драконов, когда можно построить сюжет вокруг одного?».

В противовес тяготеющим к ложной эпичности собственным литературным дебютам, в «теории» студенты – за точность, краткость и самоиронию: «Не пишите много подробностей ужасного или ужасающего», «выкиньте из книги или ее плана все, кроме самого нужного и важного», «писать меньше, но лучше», «больше юмора!».

Многие ответы содержат рекомендации относительно системы персонажей и образа главного героя. По мнению слушателей, в хорошем фантастическом тексте обязательны «детальная проработка характеров персонажей, нестандартность главного героя, наличие у него лидерских качеств»: «Нужно ответственно подойти к созданию персонажей. Очень часто главный герой раздражает своим нелогичным поведением»; «Менее типизированные персонажи, пусть они будут разные, не копии других книг»; «Пусть будут неоднозначные герои, чтобы читатели могли ассоциировать себя с ними. Чтобы не было идеального героя, не было деления на положительных и отрицательных»; «Отказаться от канонического образа героя, вокруг которого выстраивается сюжет».

В вопросе о сложности системы персонажей, впрочем, царит уже знакомая нам разногласия: «Не заикливаться на главном герое, а попытаться сделать “живыми” второстепенных»; «Не стоит давать длинные характеристики второстепенным, незначительным персонажам, так как это может наскучить читателю»; «Написать историю с малым количеством героев, но подробно их раскрыть: возможно, создать объемную предысторию, показать, как фантастическая действительность повлияла на характеры персонажей»; «Постепенно вводить персонажей, чтобы читатель смог их запомнить и потом не запутаться»; «Если вы пишете большую серию, то не забывайте выводить из сюжета героев, а не только вводить новых»; «В современной литературе слишком много плоских агрессивных персонажей (особенно любят изображать военных как безмозглых солдафонов в непрекращающейся истерике), не надо так».

Гораздо более единодушны слушатели при обсуждении таких характеристик фантастического текста, как проблематика, идеи, психологизм: «Больше глубины в произведениях, больше символики» (хотя в другом ответе: «не стоит играть с символикой намеренно, лучше писать, как чувствуется, а уже потом возвращаться к тексту и размышлять, что в нем символично и важно и в чем его смысл»); «Использовать инструменты фантастики для освещения социально значимых проблем и психологических аспектов человеческого поведения. В атмосфере таинственности и загадочности человеческая личность может по-настоящему раскрыться»; «Не забывать о человеческих чувствах и отношениях, без которых невозможно представить любое волшебное или высокотехнологичное общество»; «Сложные сюжетные ходы должны сочетаться с идейным содержанием, осмыслением социальных и экзистенциальных проблем»; «Больше глубины в характерах героев, т. е. включить психологические проблемы, предложить решение этих проблем»; «Читатель должен задуматься над поставленной проблемой»; «Стоит обсудить какую-то новую интересную идею или проблему, которая присуща современному обществу или может возникнуть в будущем»; «Текст должен к чему-то побуждать, желательно – взглянуть на мир шире».

Словом, как несколько манерно выразилась одна из слушательниц, в хорошем фантастическом тексте «должна быть идея, тонкая и красивая».

А вот более обстоятельная параллель; «Мне интересна социальная фантастика, поэтому я бы советовала не углубляться в технические подробности, терминологию. Мне кажется интересным обратиться к философским концепциям или старым фантастическим сюжетам, но под другим углом. Не нужно прямо формулировать свою точку зрения на то, как правильно решать проблему, потому что неоднозначность делает произведение глубже. Не нужно брать за главную идею остросоциальные проблемы настоящего времени (феминизм, расизм, толерантность) и свою точку зрения на них. Можно создать мир, где всё устроено определенным образом по умолчанию, где уже разворачивается сюжет».

В других случаях, напротив, прямо-таки с пролетарской прямоотой, не шлифуя формулировок, слушатели дают своего рода «партийные установки товарищам фантастам»: «Используйте вымысел в качестве инструмента для выделения основной задумки, а не в качестве самоцели!»; «Помимо действия в книге должен быть посыл!»

Отдельная группа высказываний – о языке и стиле фантастического текста: «Нужно красочное, живое описание явлений»; «Писать интересным языком с соблюдением литературных норм, делать речь более образной»; «Язык должен быть доступным каждому, без большого количества научной терминологии, это привлечет большее число читателей»; «Был бы интересен мир, в котором персонажи говорят на выдуманных языках» (рядом, впрочем, и контроверза: «не пытаться напичкать книгу вымышленными языками без надобности»). И более конкретные рекомендации: «Следить за речью персонажа: если необходимо сделать акцент на его произношении, не следует передавать эту особенность через диалоги и описания типа “э..э”, “мм...” – можно заполнить видением его собеседников»; «Российским фантастам я бы посоветовал отказаться от русских имен персонажей – слишком уж режет слух».

Относительно допустимости усложнения стиля, правда, возникли споры. Призывы к писателям «позиционировать себя как “тяжеловесов”, а не писать для юных читателей; писать распространено, “тяжело” и выдерживать сложную и громоздкую стилистику» наталкиваются на возражения: «меньше описывайте – темп жизни слишком ускорился, чтобы читать 10 страниц об устройстве ракеты; дайте читателю возможность додумать самому». В качестве компромисса возможен, по-видимому, следующий совет: «писать более насыщенные тексты, чтобы произведение не страдало избыточными диалогами и совершенно отсутствующими описаниями ситуаций или мыслей персонажей». Или аналогичный, но более развернутый: «Не забывать про экспозицию в начале очередной сцены. Я считаю важным дать качественное описание места, где происходит действие, чтобы читатель мог живо представить его. Но и не вываливать на читателя десятки страниц текста с одними описаниями. Читатель должен узнавать не только про действия и события, но и в каком контексте они происходят».

Ряд студентов в своих рекомендациях вышел за рамки отдельно взятого художественного текста и обратился к теме «фантасты и современный книжный рынок». Здесь преобладают советы: «не пытаться заработать на второсортной фантастике»; «коммерческая литература принесет деньги и краткосрочную славу, но не память в истории»; «Писатель должен писать для высказывания некоторой

мысли, а не с коммерческой целью»; «Не нужно писать много и писать популярно, это бессмысленно. Писать нужно то, что нужно сказать миру несмотря ни на что. Писать нужно осознанно».

Опять же вопреки собственным мечтам о финансовом успехе (мы приводили беседы об этом с дебютаантами на ниве фантастики выше), слушатели настоятельно советуют фантастам «писать о том, что интересно лично вам», «не писать то, что вам не нравится, но модно, популярно – ничего хорошего из этой затеи не выйдет»; «Не гоняться за трендами. Уникальный внутренний мир автора делает его тексты по-настоящему подкупающими, даже если идея и ее исполнение хромают. Возможно, это не тот путь, который принесет легкие деньги, но стать действительно хорошим писателем можно только так».

Особняком стоит, но многим поклонникам фантастики близок и понятен, совет (увы, в реальности книжного рынка невыполнимый) «контролировать работу художника-оформителя издания!»¹.

Наконец, некоторым сюрпризом для нас стало обращение части слушателей к теме «писатель и читатели, писатель и другие писатели», – казалось бы, непосредственно формулировкой задания не диктуемой. Тем не менее и здесь немало полезных советов: «Быть строгим к себе и адекватно воспринимать критику»; «Не соревноваться с другими за более фантастический сюжет. Придумывать просто, но со вкусом. Простота побеждает».

Слушатели хорошо понимают зависимость писателей, особенно начинающих, от профессиональной среды и потенциальной аудитории. Совокупность рекомендаций в данной области взвешенна и тактична: «Не слушать мнений дилетантов и рассчитывать на собственные силы»; «Меньше ориентироваться на мнение широкой аудитории. Не хотелось бы, чтобы авторы меняли свой стиль в угоду отдельным читателям или популярным темам. Хочется видеть творчество конкретного автора, а не плод некоего коллективного разума. Хорошие тексты будут рано или поздно по достоинству оценены». Но в то же время: «общайтесь с людьми, чтобы знать, как они себя ведут, и правильно описать их в книге», «общайтесь с другими фантастами, обменивайтесь опытом».

В завершение же нашего рассказа о своеобразной «заочной встрече авторов с читателями» в рамках МФК – рекомендация литературоведческих критериев не содержащая, однако вполне закономерная и житейски важная для слушателя, по-видимому, регулярно посещающего мероприятия фантастического «фэндома»²: «почти всем писателям современности после РОСКОНА³ я советую меньше пить».

Подводя итоги обсуждению достоинств «идеального» фантастического произведения и суммируя выводы, к которым пришли студенты МГУ как в устных дискуссиях, так и в письменных работах, можно вычленил следующий перечень критериев, которым должен соответствовать данный текст.

¹ Речь идет о не всегда высоком качестве полиграфии и жестких коммерческих требованиях к оформлению фантастики, особенно серийной: стремление любой ценой привлечь внимание потенциального покупателя яркой обложкой порой существенно искажает замысел автора произведения.

² Любительского сообщества поклонников фантастики.

³ Проходящая ежегодно с 2000 г. конференция работающих в сфере фантастики писателей, журналистов, критиков, переводчиков, книгоиздателей Российской Федерации и зарубежных стран.

1. Общелитературные¹

1.1. Содержание

- актуальность тематики (интересна многим);
- многоаспектность и важность для читателя проблематики;
- интеллектуальная и эмоциональная близость авторской позиции (вовлеченность читателя в описываемые события);
- глубина и сложность (смысловая емкость) авторского замысла (автору есть что сообщить читателям о мире, в котором они живут, и это сообщение читателю полезно);
- вымышленный мир по сложности осмысления адекватен реальному («текст будит мысль»).

1.2. Поэтика

- занимательность и динамизм сюжета, его законченность (без обрывов и не реализованных побочных линий) и парадоксальность (неожиданность трактовки, непредсказуемость финала);
- продуманность (логическая и эстетическая выстроенность) композиции;
- достоверный психологический облик персонажей, вызывающий эмпатию;
- система персонажей избыточная, без «пропадающих» героев и однозначного разделения действующих лиц на «хороших» и «плохих»;
- глубина и острота конфликта;
- продуманность финала (развязки сюжета), поднимающая осмысление сюжетных событий на новый смысловой уровень;
- уместность пафоса (юмор, абсурд, игра); присутствие особой атмосферы (таинственность, недосказанность, драматизм);
- соразмерное замыслу присутствие автора в тексте;
- оригинальная стилистика (индивидуальная художественная манера)
- (для циклов произведений) эволюция (динамичное усложнение) персонажей и вымышленной модели реальности.

2. Фантастоведческие (дополнительные)

- оригинальность (новизна) фантастической посылки; для НФ – верная (не буквальная!) научность и прогностика;
- фантастический мир, обладающий следующими характеристиками:
- новизна (если используются уже воплощенные ранее мотивы, развертка посылки должна быть самостоятельной, иметь иное обоснование, раскрывать новые смыслы),
- непротиворечивость (логичный, без ненужных дополнительных допущений, законы, постулированные в этом мире, должны соблюдаться неукоснительно),
- глубина (история вымышленной вселенной, продуманность ее законов),

¹ Как правило, дискуссии о хорошей фантастике начинались с фиксации слушателями присущих ей отличительных черт (фантастическая посылка, образность, сюжеты). Однако в ходе обсуждений студенты самостоятельно приходили к выводу, что фантастический текст прежде всего должен обладать достоинствами, объединяющими его со всем массивом художественной литературы. Вот почему перечень характеристик мы начинаем с последних, а черты, присущие именно фантастике, рассматриваем далее в качестве дополнительных.

- способность к усложнению (читатель может сам домыслить подробно не прописанные события, автор может при необходимости добавлять в других книгах новые аспекты вымышленного социума);
- удачные языковые обозначения фантастических реалий;
- необходимость и достаточность (неизбыточность) элемента необычайного (фантастическая образность как средство отражения проблем реальности).

А вот те же характеристики в формулировке самих слушателей МФК (суммируем наиболее лаконичные и яркие высказывания). Итак, хорошая фантастика – это «философская посылка, глубокие мысли», «взрывающие мозг научные теории», «совмещение реального и небывалого», «выдумка не ради красоты, но раскрывающая проблемы современности». В ней обязательны: «закрученность событий», «колоритные образы», «живые и настоящие люди», «близкий и интересный главный герой», «приятный и понятный стиль, простой и теплый язык», «нестандартный взгляд автора на мир» и даже «ужасающее правдоподобие абсурда». «Идеальный» фантастический текст обязан вызвать у читателя вот такой комплекс ощущений: «пока читаешь, чувствуешь, что ты в другом мире», «текст про жизнь», «красиво», «захватывает». И, наконец, формулировка, включающая все перечисленные ранее (да и все неучтенные!) смыслы: «ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО».

Анализ мнений о фантастике слушателей межфакультетских курсов МГУ имени М.В. Ломоносова будет расширен и дополнен в продолжении данной публикации.

Сведения об авторе:

Елена Николаевна Ковтун,
доктор филол. наук
профессор, филологический факультет
директор, Институт русского языка и культуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena N. Kovtun,
Doctor of Philology
Professor, Philological Faculty
Director, Institute of Russian Language
and Culture
Lomonosov Moscow State University
kovelen@mail.ru